

Анализ функционирования одной частотной единицы русской речи (корпусное исследование)

Т. И. Попова

Санкт-Петербургский государственный университет

tipopova13@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается специфика употребления редуцированной единицы *такой-сякой* в русской повседневной речи. Источником материала послужили два корпуса: Устный подкорпус Национального корпуса русского языка и блок «Один речевой день» Звукового корпуса русского языка. В ходе анализа выявлены особенности употребления этой единицы в уже знакомых («словарных») значениях и приобретение ею функциональной значимости, обусловленной коммуникативной ситуацией.

Ключевые слова: устная речь, дублирование, прагматика, аппроксимация

Основной задачей лингвистического описания можно считать сбор новых языковых фактов, которые будут фиксировать происходящие в языке изменения [1].

Вследствие увеличения объемов исследуемых текстов, справиться со сбором, хранением и описанием информации, используя традиционные методы, становится очень сложно. Таким образом, созрело понимание необходимости более удобного средства работы с языковыми данными.

На современном этапе развития лингвистики этим средством можно считать языковые корпуса, часть из которых, помимо письменных текстов, включает в себя и записи устной речи, в том числе наиболее живой ее разновидности — устной спонтанной разговорной речи. Именно эта часть любого корпуса необходима «для полного и адекватного представления о том, что происходит в современном русском языке» [2].

В центре внимания лингвистов уже давно оказывались некоторые явления, которые трудно назвать масштабными, ибо их существование иногда измеряется десятилетиями, что для истории языка, конечно, мало. Но появление различных корпусов, несомненно, приведет к возрастанию значимости и эффективности такого рода исследований.

Так, например, давно отмечено функционирование в устном дискурсе не речевых (передающих основное содержание текста), а условно-речевых единиц, характеризующихся высокой употребительностью и повторяемостью в речи разных говорящих, помогающих структурировать текст, но не связанных напрямую с его содержанием.

К классу условно-речевых единиц, среди которых исследователи выделяют вводные, модальные, служебные и прочие дискурсивные слова, можно отнести и группу прагматем-редупликатов с местоименным компонентом: *так-сяк, такой-сякой, туда-сюда, там-сям, то-сё, так-этак* — во всем их структурном и функционально-семантическом разнообразии. Редуплицированность этих форм отражает общую тенденцию нашей устной речи к некоторой ритмичности, изохронности ее структурных компонентов, к созданию «гармонии речевого потока», истоки которой — в своеобразном «первичном ритме» и многих явлений природы, и работы человеческого организма ([3]; см. также об изохронности структурных единиц устной речи: [4] [5]).

Более того, историческая связь фонетического состава компонентов единиц и их смысловая соотнесенность мотивируют объединение редуплицированных единиц (РЕ) в особую группу условно-речевых единиц, которая и стала основой материала для исследования в настоящей работе.

Значение редупликации оценивается лингвистами по-разному. Так, оттенок неопределенности, который свойственен разговорным наименованиям, подчеркивает в редупликатах Ю. Цуй [6].

Е.А. Земская в одной из своих работ пишет: «Местоимения с повторами (типа *то-сё, туда-сюда, реже там-сям, так-сяк*) обычно употребляются в тех случаях, когда говорящий не находит слова для завершения ряда однородных перечислений, т.е. для обозначения своего рода общего члена ряда» [7, с. 37].

Таким образом, можно обнаружить влияние ситуативной обусловленности на содержание речи. Такую речевую обстановку, которая определяет контекст высказывания, называют *конситуацией* [8, с. 238]. Как справедливо отмечает Е.А. Земская с соавторами, «не весь смысл, передача которого является целью данной коммуникативного акта, вербализован в данном конситуативном высказывании» [9, с. 192].

На определенных этапах коммуникации говорящий может использовать те или иные речевые элементы, которые влияют на выстраивание коммуникации. Намерение говорящего (*интенциональность*) опустить в высказывании ту часть, которую можно считать стандартной, ясной и общей для собеседников (*конвенциональность*)¹, тесно сплетается со смежной областью лингвистики — *теорией речевых актов* (РА)².

¹ Под *конвенциональность*, вслед за Дж. Серлем, будем понимать регулярно повторяющуюся «закономерность в поведении членов общества, которая закрепляется в практике социального общения как норма» [12, с. 109]; см. также: [13].

² *Речевой акт* — целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации. Основными чертами РА являются: намеренность (интенциональность),

Основы теории речевых актов были заложены Дж. Остином во второй половине 50-х гг. XX века. В своих лекциях исследователь представляет речевой акт как трехчастное образование, которое включает:

Ниже приведен пример оформления списка:

- локутивный акт;
- иллокутивный акт;
- перлокутивный акт [10, с. 83].

Наибольший интерес представляет уровень иллокутивного акта, суть которого состоит в выражении «коммуникативной цели в ходе произнесения некоторого высказывания» [11].

Среди основных классов РА выделяют информативные (*репрезентативы*), цель которых — сообщение. Но даже достижение этой цели может обеспечиваться за счет вкрапления «в обычные описательные утверждения множества *запутанных* (курсив мой. — Т. П.) слов, вовсе не служащих для того, чтобы прибавить какое-то новое свойство к описываемой реальности, а скорее обозначить некие обстоятельства, при которых было сделано утверждение» [10, с. 65].

Таким образом, в устной речи все чаще фиксируется возможность перехода некоторых грамматических форм и отдельных лексем на коммуникативно-прагматический уровень языка, которые в результате иногда становятся «сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность и имеющими форму самостоятельных высказываний» [14, с. 296].

Этот активный процесс *прагматикализации* отмечается в работах разных исследователей (см.: [14, 15] — цит. по: [16, с. 10]). В связи с этим стоит обратить внимание на термин *прагмалексема*, который использует в своей работе Р. Ратмайр [17]. Однако материал устного дискурса демонстрирует использование говорящими не только отдельных прагматикализованных единиц, но и целых конструкций, поэтому вместо термина *прагмалексема* целесообразно назвать данный класс слов *прагматемами*³ [16, с. 10].

В результате главным для некоторых единиц в устной речи становится только функция, «которую она реализует в структуре устного текста (дискурса) и которую можно назвать *прагматическим значением* данной единицы» [16].

Прагматический подход к описанию речевых единиц напрямую связан с интенцией говорящего, который может активно влиять на ход коммуникации. Это явление тесно связано с «Принципом Кооперации» Г. Грайса, согласно которому «коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [18, с. 222]. Объем содержания, который передает говорящий, релевантен «с точки зрения адресата высказывания» [19, с. 284].

целеустремленность и конвенциональность. Речевые акты всегда соотнесены с лицом говорящего. Последовательность РА создаёт дискурс [11, с. 412].

³ Стоит отметить существование в лингвистике термина «прагмема» с иным значением: он используется для описания оценочных слов, «предметная соотнесенность которых также выясняется только из контекста» [24].

В процессе речепорождения частотны случаи употребления говорящим нечеткой, или приблизительной, номинации [20, с. 631]. Так как коммуникация является важнейшей частью жизни любого человека, говорящий использует неопределенность как способ расширения своих возможностей «в целях достижения прагматического эффекта» [21, с. 30].

Единицы, которые используются для реализации категории неопределенности, называют *аппроксиматорами*. Но этот термин не является общепринятым. Так, например, Дж. Чэннел для определения средств выражения нечеткой номинации использует термин *слова-заместители* — *placeholder* [22]. Таким же понятием оперирует и В.И. Подлеская, подчеркивая отсутствие «устоявшегося русского аналога» [20, с. 631]. Однако наряду с этим понятием в работе В.И. Подлеской также встречаем термин *аппроксиматор* — маркер, который употребляется «вместе с одной или несколькими “пробными” попытками вербализовать некоторый смысл, т. е. как сигнал о том, что предпринятая попытка нуждается в *обобщении* (курсив мой. — Т. П.) или уточнении, но адекватного языкового выражения в арсенале говорящего в данный момент не нашлось» [там же: с. 636]. Такая стратегия использования маркера-аппроксиматора называется *стратегией совмещения*; если же маркер используется вместо наименования, то говорящий выбирает *стратегию замещения*, в которой и работают маркеры-заместители (*placeholders*).

Происхождение термина *аппроксиматор* (от лат. *aproximare* — ‘приблизиться’) не ограничивает его употребление «только для выражения языкового значения приблизительности в сфере количественных отношений, но и для приблизительного названия самих предметов, их признаков и отношений, действий и явлений реального мира» [23, с. 229].

Таким образом, сама специфика категории неопределенности, которую маркирует аппроксиматор, позволяет предположить, что нет непроходимых границ между словами-заменителями, словами-ограничителями и маркерами-аппроксиматорами. В настоящем исследовании для описания единиц, участвующих в высказывании в случаях нечеткой, приблизительной номинации, а также при необходимости обобщения, будет использован термин *аппроксиматор*.

Таким образом, единицы, исследуемые в настоящей работе, выступая в качестве маркеров-аппроксиматоров, тесно соотнесены с прагматической сферой речи. Такой термин для описания одного класса прагматем использует и Н. В. Богдановой-Бегларян [16].

Рассмотрим на примере анализа одной единицы *такой-сякой* специфику употребления редупликатов в устном дискурсе и их путь к коммуникативно-прагматическому уровню речи.

Материалом послужили два фрагмента корпусов устной речи:

- 25 контекстов соответствующих единиц из Устного подкорпуса (УП) Национального корпуса русского языка;
- 2 контекста из блока «Один речевой день» Звукового корпуса русского языка (полная выборка).

Редулицированная единица *такой-сякой* фиксируется в толковых словарях с пометами *разг.* и *шутл.*, а также с указанием, что она «употребляется взамен перечня каких-л. оценочных слов, характеристик (обычно бранных)»

[25, с. 334]. В таком значении (точнее — функции) в УП встретилось больше половины употреблений данной единицы (14 из 25), ср.:

- (1) *Знаешь / если рубить сгоряча / в твои годы / то по меньшей мере я думаю / неправда / Ты вот говоришь / что мать у тебя **такая-сякая** / плохая / отец такой хороший* [Беседа о национальных отношениях // Из материалов Саратовского университета, 1990-1999] (УП);
- (2) [Н., жен] *Неважно / Че-то у меня было / молодое поколение против темного царства / чё-то такое / И я ты знаешь / я не хрестоматийно написала / что вот / Варвара **такая сякая** / плохая / не борется / убегает* [Беседа о национальных отношениях // Из материалов Саратовского университета, 1990-1999] (УП);
- (3) *А если один льёт на другого / говорит / та **такая-сякая** / это уже / я считаю / нечестная игра* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2003] (УП);
- (4) *Вам важно было / вот вам ближе Грановский / а Мейерхольд его ругает / **такой-сякой** Мейерхольд* [Беседы с А.В. Азарх-Грановской // Собрание фонодокументов имени В.Д. Дувакина, 1968] (УП).

Помимо этого, некоторые словари выделяют фразеологическое сочетание *такой-сякой намазанный*, которое наиболее полно трактуется в работе «Опыт русской фразеологии» М.И. Михельсона: это «говорится, как бы повторяя слова льстивые (о других) или хвастливые (о себе)» [26, с. 357]. В материале настоящего исследования примеров с данным фразеологизмом обнаружить не удалось. Зато было выявлено употребление сочетания *такой-сякой*, близкое по значению к данному фразеологизму:

- (5) *Кстати говоря / оперение динозавров могло иметь и демонстрационный характер / «вот я такой красивый самец» или «вот я **такая-сякая** самка / обратите на меня внимание»* [Беседа о проблемах палеобиологии, НТВ, «Гордон» // Из коллекции НКРЯ, 2003–2004] (УП).

Думается, что справедливо считать такого рода употребление редуцированной формой указанного фразеологизма, которая вбирает в себя ряд теперь уже не негативных, а положительных свойств (по крайней мере, с точки зрения говорящего).

В отличие от других описанных в настоящей работе единиц, единственным нормативным написанием для сочетания *такой-сякой* является дефисное [27].

- (6) *Вот там Лукашенко / говорят / **такой-сякой** / фашист* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Воронеж) // Фонд «Общественное мнение», 2003] (УП).

Но в корпусных данных есть и пример дистантного расположения компонентов данного сочетания с повтором союзов:

- (7) *Масхадов не никто для большинства / несмотря на то / что большинство считает / что он слаб / **и такой** / **и сякой** / но есть некая традиция* [Беседа о «Новой газете» в эфире радиостанции «Эхо Москвы» // «Эхо Москвы», 2003] (УП).

Близость формальной и смысловой организации всех вышеописанных употреблений единицы *такой-сякой* позволяет предположить, что именно под

влиянием аналогии появился такой вариант оформления компонентов сочетания, как в примере (7) (ср. выше: *и так и так*; *и так и сак*).

В ходе анализа материала устных подкорпусов русского языка удалось обнаружить ряд контекстов, которые, включая в себя формальные варианты сочетания *такой-сякой*, демонстрируют необходимость иного его осмысления:

- (8) *Ну правильно / имидж / он и наглостью своей этой всей берет / что да / я наглый / я такой / я сякой / я все смогу* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2003] (УП);
- (9) *Вот здесь вот при выдаче документов распечатаете / там / какие-нибудь клубы вечерние / дискотеки / еще что-то и скажете: «Марья Иванна / вам в этот вечер вам / наверное / было бы приятней куда-нибудь сходить / а вот рядом с отелем такой модный клуб / сякой модный клуб / еще что-то»* [Тренинг туристической фирмы // Из коллекции НКРЯ, 2007] (УП).

В обоих приведенных примерах второй компонент редуцированного сочетания начинает приобретать большую самостоятельность, которая, в сущности, условна и обеспечивается окружением внутри высказывания: повторяющимися формами / конструкциями, как в примерах (8) и (9) и противопоставлением:

- (10) *Ну неужели для ЦРУ важно / чтобы инфляция в Чехии была не такой / а сякой?* [Выступление Б. Львина на семинаре в Институте национальной модели экономики // Из коллекции НКРЯ, 1996] (УП).

Употребление компонентов в разных синтагмах также влияет на их автономное восприятие:

- (11) *Что касается «оборотня» / то непонятно / кто больший оборотень / это со всяким бывает / и Дудаев был и такой и сякой / и этот может быть и таким / и сяким. Я говорил только одно / что второй / неизвестный / дает некую надежду* [Беседа о проблемах Чечни в эфире радиостанции «Эхо Москвы» // «Эхо Москвы», 2003-2004] (УП);
- (12) *Качество семьи определяется не составом / не половой и не возрастной принадлежностью. Качество семьи определяется отношениями / какие бы они ни были / с / кто бы они там не были / да / как угодно / да / в одном браке / в двух браках / в таком / в сяком* [Л. Петрановская: «Любой тоталитарный режим первым делом разрушает семью» (2016)] (УП);

Если в приведенных примерах (39)-(40) *такой* употребляется в своем словарном значении 'отвлеченного обозначения качества, свойства', то *сякой* выступает как определитель ряда других характеристик, не полярно противопоставленных, а соотносимых с заданными. Так формируется значение, близкое значению родственного сочетания *так и сак*, — 'разный, обладающий рядом каких-л. характеристик'.

Важно отметить, что такое значение формируется внутри высказывания в ситуации непосредственного общения: все представленные в этой группе употребления относятся к публичной устной речи. В транскриптах кинофильмов (киноречи) подобных случаев не обнаружено, что может

обозначать, что перед нами лишь формирующаяся особенность функционирования единицы *такой-сякой*, пока не замеченная сценаристами.

Частое употребление сочетания в определенной коммуникативной ситуации обеспечивает его воспроизводимость в устной речи и формирует определенное значение (функцию):

- (13) *Первая / говорили / мало реакции / нет реакции общества / нет ещё **такой и сякой** / пятой реакции / вот это не додумано / это не доделано и так далее* [Заседание семинара Б. Стругацкого // Из коллекции НКРЯ, 1991] (УП);
- (14) *И здесь существует возражение насчет того / что мы бы хотели видеть человека **таким / сяким / третьим** / а деньги платят не за это* [Обсуждение стандарта общего образования по истории // Из коллекции НКРЯ, 2002–2003] (УП).

В этих примерах редуцированная единица, встраиваясь в ряд перечисления и заменяя часть этого ряда, прагматизируется и приобретает аппроксимативную функцию. Этот процесс поддерживается участием в высказывании фрагмента другой прагмемы *пятое-десятое*⁴ — см. пример (13).

Материал ОРД тоже фиксирует функционирование единицы *такой-сякой* как прагмемы:

- (15) *и на каждом участке что считать ? что он двигался равномерно // а мы умеем считать равномерное ? угу // а как считать равномерное ? для равномерного движения скорость равна площади прямоугольника // правда ? здесь он вообще не двигался / здесь **такой / сякой** (ОРД);*
- (16) *да / и немножко расклёш / немножко расклёш / вниз // это надо знать // да / масса всяких стилей // так / классический / **такой / сякой** (ОРД).*

В примере (15) представлен случай полной замены части высказывания прагмемой (*здесь **такой / сякой***), а в примере (16) работает стратегия совмещения (*классический / **такой / сякой***).

Анализ корпусного материала демонстрирует необходимость рассмотрения некоторых аспектов описания рассматриваемой редуцированной единицы. Например, встает вопрос поиска ее начальной формы: одна это единица *такой-сякой* или две самостоятельных единицы *такой* и *сякой*? Ясно, что в случаях «словарного» употребления правильно говорить об одной единице и использовать дефисное ее написание, предложенное в словаре (*такой-сякой*), но в остальных случаях, которые выявлены на корпусном материале, именно специфика дистантного оформления компонентов сочетания обеспечивает возможность формирования нового лексического/прагматического значения и новой (иной) трактовки.

Что касается количественного соотношения употреблений в устных подкорпусах, то половина примеров из УП (13 из 25–52 %) приходится на значение, которое фиксируется во всех толковых словарях. Случаи дистантного расположения компонентов, в которых каждый из них можно трактовать как самостоятельную единицу, составили 8 употреблений (32 %). В корпусном материале были обнаружены 2 употребления (6 %), в которых единица

⁴ См. о ней: [28, 29].

употребляется в качестве фразеологизма. И еще 2 примера (6 %) демонстрируют способность единицы выступать маркером аппроксимативного замещения (прагматемой), так же как и в обоих контекстах из блока ОРД.

Таким образом, группа контекстов фиксирует ослабление лексического значения исследуемой единицы и приобретение ею функциональной значимости. В процессе коммуникации говорящий часто прибегает к выражению категории неопределенности для достижения определенных прагматических целей. В высказывание встраивается маркер-аппроксиматор, который обладает не только структурной, но и функциональной вариативностью.

Каждая единица в случаях функционального употребления в устной речи выступает в качестве *сложной составной прагматемы*⁵.

Подобные явления пока недостаточно описаны на материале русской разговорной речи. Терминологический аппарат находится в процессе становления, так же как и сами исследуемые единицы. Однако необходимо фиксировать развитие исследуемых единиц уже на данном этапе развития коллоквиалистики. Статьи в специальных словарях русской речи будут способствовать адекватному пониманию функциональных единиц, а главное, работа с материалом позволяет увидеть сам процесс их формирования.

Литература

- [1] Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. – М.: УРСС, 2003. – 360 с.
- [2] Плунгян В. А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка: Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. М.: Индрик, 2005. С. 6-20
- [3] Тимофеев Л. И. Ритм // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 9 / Ред. коллегия: П. И. Лебедев-Полянский, И. Л. Маца, И. М. Нусинов. – М.: Советская энциклопедия, 1935 [Фундаментальная электронная библиотека. Русская литература и фольклор]. <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le9/le9-7001.htm>.
- [4] Шерстинова Т. Ю. Об изохронности структурных единиц в спонтанной речи (к постановке проблемы) // Материалы XXXIX Международной филологической конференции. 15-19 марта 2010 г. Санкт-Петербург. Вып. 23. Полевая лингвистика. Интегральное моделирование звуковой формы естественных языков / Отв. ред. А. С. Асиновский, науч. ред. Н. В. Богданова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. С. 109-118.
- [5] Богданова-Бегларян Н. В. Ритмообразующие средства русской спонтанной речи (к постановке проблемы) // Актуальные вопросы теоретической и прикладной фонетики: Сборник статей к юбилею О. Ф. Кривновой / Под ред. А. В. Архипова, И. М. Кобозевой (отв. ред.), Кс. П. Семёновой. М., ООО «Буки-Веди». 2013. С. 25-34.

⁵ Такое наименование отражает специфику единиц не только с функциональной, но и с формальной точки зрения. См. подробнее [30]

- [6] Цуй Ю. О двух типах разговорного словообразования (на материале языка газет) // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: ИРЯ РАН, 2006. С. 644-650.
- [7] Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979. 239 с.
- [8] Кафкова О. О роли контекста в разных типах коммуникатов // Синтаксис текста: Сборник научных трудов / О. Кафкова, Г. А. Золотова. М.: Наука, 1979. С. 236-247.
- [9] Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 486 с.
- [10] Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М., 1986. С. 22.–130.
- [11] Арутюнова Н. Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 412-413.
- [12] Сёрль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 151-169.
- [13] Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: Сборник работ / Сост. В. В. Петрова; Пер. с англ. яз. под ред. В. И. Герасимова. Вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
- [14] Graf E. Interjektionen im Russischen als Interaktive Einheiten. Frankfurt am Main, 2011. 328 p.
- [15] Günther S., Mutz K. Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian // W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components. Berlin: Language Arts & Disciplines, 2004. Pp. 77-107.
- [16] Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета: научный журнал. Российская и зарубежная филология. Вып. 3 (27), 2014. С. 7-20.
- [17] Rathmayr R. Die Russischen Partikeln als Pragmalexeme. München: Sagner, 1985. 352 p.
- [18] Грайс Г. Логика и речевое общение / Пер. с англ. В. В. Туrowsкого // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217-238.
- [19] Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения / Пер. с англ. Н. В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 276-303.
- [20] Подлеская В. И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). В двух томах. Том 1. Основная программа конференции / Гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. С. 631-643.

- [21] Мартынова И. А. Лексические маркеры неопределенности в разговорном англоязычном дискурсе // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2, 2016. С. 30-34
- [22] Channell J. *Vague Language*. Oxford: Oxford University Press, 1994. 227 p.
- [23] Дубовицкая Е. Ю. Оценочный потенциал категории аппроксимации (на материале английского и русского языков) // Когнитивные исследования языка / Гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 229-235.
- [24] Эпштейн М. Н. Идеология и язык // Вопросы языкознания. № 6, 1991. С. 19-33.
- [25] МАС – Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Русский язык. Полиграфресурсы, 1999. 797 с.
- [26] Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сб. образных слов и иносказаний. В 2 т. Т. 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1903. 580 с.
- [27] Русский орфографический словарь: ок. 180 000 слов / Отв. ред. В. В. Лопатин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Институт русского языка РАН, 2005. 943 с.
- [28] Кудлаева А. И. «Пятое-десятое»: особенности употребления в роли маркера-аппроксиматора // XVIII Международная конференция студентов-филологов, Санкт-Петербург, 6-11 апреля 2015 г.: Тезисы докладов / Отв. ред. Д. Н. Чердаков. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. С. 26-27.
- [29] Богданова-Бегларян Н. В., Кудлаева А. И. Прагматическая сторона **пятого** и **десятого** (классификация и частотность употребления) // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XII Международной научной конференции, посвященной 65-летию кафедры русского языка ВлГУ. 26–28 сентября 2017 г. / Отв. ред. М. В. Пименова. – Владимир: ВлГУ, 2017. В печати.
- [30] Попова Т. И. Сложные прагматемы-редупликации в русской устной речи: проблемы описания и варианты решения // Коммуникативные исследования. 2016, № 3 (9). С. 36-48.

Analysis of the functioning of the frequency units of the Russian speech (corpus study)

T. I. Popova

Saint Petersburg State University

The article considers the specificity of the use of reduplicated unit *takoy-syakoy* in Russian everyday speech. Two corpuses of Russian were used: Spoken corpus of Russian National corpus and modul "One speaker's day" of the Russian Sound corpus. As for results I found the features of the use of this unit in the usual ("dictionary") meanings, and the acquisition of functional significant, due to the communicative situation. In a communication the speaker may omit part of the utterance for different reasons, but they want to show a duration of the action and its diversity. Unit like *takoy-syakoy* help to structure dialog in proper way for speaker. In such case unit acts as approximation marker and refers to the field of pragmatics and the theory of speech acts.

Keywords: oral speech, reduplication, pragmatics, approximation.